

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

Юбилейный сборник Московской Духовной Академии

Священник Василий СТРОГАНОВ

«МЕХИ НОВЫЕ» ЧЕТВЕРТОГО ЕВАНГЕЛИЯ

Издавна признано фундаментальное отличие Евангелия от Иоанна *to pneumatikon* от трех Евангелий *ta somatika*: от Матфея, Марка и Луки. В центре внимания православных библиистов — богословский характер Откровения истины в Четвертом Евангелии. Отмечая дополнительность Евангелия от Иоанна по отношению к синоптикам, библиист с мировым именем профессор СПбДА Николай Никанорович Глубоковский подчеркивал, что значение нового материала — не в добавочных «подробностях», а в их специальной типичности строго догматического свойства, во внутреннем существе всех деталей¹. Другой выдающийся богослов-экзегет, профессор МДА Митрофан Дмитриевич Муретов, утверждая, что все Евангелия «имеют, с одной стороны, действительный исторический характер, поскольку описываемое в них явление было действительно историею, а с другой — догматико-богословский, поскольку описываемый в них Спаситель был не обыкновенною историческою личностью, но Еммануилом и воплотившимся Словом — Сыном Божиим», полагал, что различие между Евангелиями состоит в степени преобладания исторического или богословско-догматического содержания. «Чем ближе стоит евангелист к лицу Спасителя, тем больше личного элемента и идейности в его Евангелии, — и чем дальше стоит евангелист от лица Спасителя, тем больше в его Евангелии внешне летописной историчности»².

Православные богословы отмечают и присущий только Евангелию от Иоанна отличный от синоптических Евангелий способ представления богословского и исторического содержания, так называемый «философский способ», который определяет последовательность изложения событий по их внутренним глубинным взаимосвязям³. Обращено внимание и на «дидактические принципы пастырского опыта святого апостола»⁴.

Христианство, принеся в мир новое религиозное содержание, избирает для него соответствующие новые формы. «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие... Но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое» (Мф. 9, 17). Каковы же эти «новые мехи» языка Четвертого Евангелия в концептуальном плане? Попыткой ответа на данный вопрос и является настоящая работа. Предметом исследования в таком случае становятся инвариантные характеристики текста, как правило, сохраняющиеся при переводе. Евангельский текст приводится на греческом, славянском и русском языках.

* * *

Итак, Четвертое духовно-богословское Евангелие написано, по словам евангелиста, чтобы «вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий» (Ин. 20, 31). И написано оно таким образом, что не только является историческим сообщением об этой истине, но и доказательством ее, подобно богословскому трактату, утверждающему истинность своих положений.

Слово *истина* — греч. *alētheia* и однокоренные *alēthēs*, *alēthinos* и *alēthōs* встречаются в Евангелии от Иоанна более 50 раз — так часто, как если бы одной из специальных задач евангелиста было рассмотрение истинности. В Евангелии от Иоанна *истина* с однокоренными словами встречается более чем в 7 раз чаще, чем в Евангелии от Луки, в 10 раз чаще, чем в Евангелии от Матфея, и почти в 9 раз чаще, чем в Евангелии от Марка. Слово *alētheia* встречается 25 раз в Евангелии от Иоанна, по 3 раза в Евангелиях от Марка и от Луки и только один раз в Евангелии от Матфея.

Бе Свет истинный (1, 9); *исполнь благодати и истины* (1, 14); *благодать же и истина Иисус Христом бысть* (1, 17); *творяй же истину* (3, 21); *Бог истинен есть* (3, 33); *се воистинну рекла еси* (4, 18); *егда истиннии поклонници поклоняются Отцу духом и истинно* (4, 23); *духом и истинно достигб кланяются* (4, 24); *слово есть истинное* (4, 37); *Сей есть воистинну Спас миру* (4, 42); *свидетельство Мое несть истинно* (5, 31); *истинно есть свидетельство* (5, 32); *свидетельствова о истине* (5, 33); *сей есть воистинну пророк* (6, 14); *хлеб истинный с небесе* (6, 32); *Плоть бо Моя истинно есть брашно, и Кровь Моя истинно есть пиво* (6, 55); *Сей истинен есть* (7, 18); *Сей есть воистинну Христос* (7, 26); *есть истинен Пославый Мя* (7, 28); в 8, 13, 14, 16, 17, 26, 31, 32 (дважды), 44 (дважды), 45, 46; 10, 41; 14, 17; 15, 1, 26; 16, 7, 13 (дважды); 17, 3, 8, 17 (дважды), 19; 18, 37 (дважды), 38; 19, 35 (дважды); 21, 24.

Евангелие от Иоанна не только устанавливает истинность слов и дел пришедшего в мир Христа, но и содержит более сильное утверждение о том, что сама истина произошла чрез Иисуса Христа (1, 17), что истина — это Христос (14, 6).

На то, что Четвертое Евангелие — именно богословское произведение, доказывающее истинность своих положений, указывает и диалогичность прямой речи Христа.

В Синоптиках прямая речь — часто монолог-проповедь, притча, в Четвертом Евангелии — преимущественно диалог. Здесь прямая речь Христа почти постоянно прерывается ремарками слушающих, указаниями на ситуацию, разъяснениями евангелиста и т. д. Если в Евангелии от Матфея прямая речь Иисуса Христа занимает около трех пятых всего текста, то в Четвертом Евангелии — меньше половины текста, но при этом частота употребления личного местоимения первого лица более чем в два раза выше по сравнению с Евангелием от Матфея и с Евангелием от Луки и более чем в 4 раза выше в сравнении с Евангелием от Марка. Четвертое Евангелие — это смена ситуаций убеждения, доказательства, полемики, удостоверения. Здесь подчеркнута личная обращенность Христа к слушающему, который не может уклониться от интерпретации проповеди, поскольку отказ от интерпретации является также интерпретацией, поэтому: «Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне?» (8—46) и: «не приемлющий слов Моих имеет судню себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день» (12—48).

Таким образом, текст Четвертого Евангелия провозглашается истинным и по содержанию, и по форме. Но одно дело — видеть перед собой доказательство и другое — знать, как оно построено.

Текст, утверждающий истинность своих положений, должен располагать соответствующим способом доказательства. Под истинностью в таком случае следует понимать не только истинность содержания текста, но и истинность формы — способа представления этого содержания, в частности истинность логико-лингвистического кредо, избранного для его построения. Чтобы доказывать на языке, необходимо уметь пользоваться языком, и чем важнее доказательство, тем большим знанием о языке следует располагать. В данном случае перед нами постановка и решение задачи такой важности, при которой требуется детальное изучение даже наиболее сложных и далеких свидетельств о способе употребления языка.

Ключевой момент Четвертого Евангелия — его Пролог определяет всю последующую структуру текста.

В Прологе центральным является начало:

1. En archēi ēn ho logos,
kai ho logos ēn pros ton theon,
kai theos ēn ho logos.

2. hoytos ēn en archēi pros ton theon.

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога.

Второй стих повторяет то суждение, которое было развернуто в предыдущем. Это отмечено святителем Василием Великим: «Евангелист опять в немногих речениях сокращенно излагает все свое богословие, какое предал нам об Единородном»⁵.

В первой фразе *Слово* представлено — *в начале было Слово*, во второй — поставлено в определенное отношение к *Богу* — *Слово было у Бога*, в третьей — определено — *Слово было Бог*. Причем именно *Слово* является подлежащим, которое определяется, что и выражено в греческом языке отсутствием артикля, а в славянском переводе скрыто (*Бог бе Слово*) и восстановлено в русском порядком слов — *и Слово было Бог* — kai theos ēn ho logos. И, наконец, в следующей фразе все содержание суммируется в одном: *Оно* (то есть *Слово-Бог*) *было в начале у Бога*.

Причем Ин. 1, 2, не будучи по структуре определением, включает в себя и явное определение — *Слово было Бог. Оно* (Ин. 1, 2) — *Слово-Бог*.

Таким образом, по содержанию и по форме четвертая фраза — сумма первых трех, за единственным формальным отличием: *logos* — *theos* здесь замещены местоимением *ho utos*. Три фразы, из которых первые две сообщают о Логосе нечто, а третья определяет Его, заключены в одну.

Отметим и тот факт, что во второй и третьей фразах места почти совпадающих предикатов *ēn/ēn pros* заполняют одни и те же имена: *theos/logos*.

Но эти фразы являются функционально различными. Одна из них по своей логико-грамматической структуре — это сообщение о действительности, а вторая — определение и, следовательно, является не только сообщением о действительности, но и сообщением о значении слова — *logos*, то есть его определением.

Из истории классификации типов высказываний, в частности, известно, что Платон, например, требовал определения вещей (*res*), а не имен (*nomina*); Аристотель допускал и реальные и номинальные определения, не сомневаясь, по-видимому, как и современные философы языка и логики, в существовании «достаточно четкого различия между терминами, обозначающими предметы, с которыми имеешь дело в данной науке, и терминами, обозначающими различные виды выражений, которые в ней попадаются»⁶.

Такие структурные особенности первых двух стихов Пролога, как единство элементов функционально различных фраз (*Слово, Бог, было у, было*) и последующее представление этих фраз в одной, указывают на функциональную эквивалентность обычных повествовательных высказываний и определений. Другими словами, здесь может утверждаться единство двух процессов — обозначения действительности и обозначения языковых выражений, то есть то, что имена всегда одновременно обозначают *res* и *nomina*, что любое высказывание о действительности является высказыванием о языке.

Следующее высказывание Пролога (Ин. 1, 3) по своей структуре соответствует предыдущему стиху. Здесь также три фразы с повторяющимися элементами:

*panta di'aytoy egeneto,
kai chōris aytoy egeneto oyde hen, ho gegonen.*

Все произошло чрез Него, и без Него не начало быть ничто, что произошло.

Вторая фраза *kai chōris aytoy egeneto oyde hen* является смысловым эквивалентом первой *panta di'aytoy egeneto*.

Эти фразы, составляя собою определение, воспринимаются как последующее определение *Слова*⁷.

Следующий стих (Ин. 1, 4):

*en autōi dzōē ēn,
kai hē dzōē ēn to phōs tōn anthrōpōn.*

В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков также содержит обычное высказывание и определение. Начало этого стиха напоминает о структуре первой фразы Пролога:

*en archēi ēn ho logos в начале было Слово
en autōi dzōē ēn в Нем была жизнь*

Вторая фраза Ин. 1, 4 *kai hē dzōē ēn to phōs (tōn anthrōpōn)* соответствует третьей фразе Пролога:

kai theos ēn ho logos.

Следующий, пятый стих имеет ту же двухфразовую структуру предыдущего стиха с повторением элементов:

*kai to phōs en tēi skotiāi phainēi
kai hē skotia ayto oy katelaben.*

Свет во тьме светит и тьма не объяла его (свет).

Из-за повторяющихся лексических элементов *тьма* и *свет* обе фразы звучат как параллельные, эквивалентные по содержанию, то есть почти как определения друг друга.

Заметим, что фразы четвертого стиха также могут быть представлены как эквивалентные друг другу в соответствии с Ин. 8, 12 — *Аз есмь свет миру*.

Следующий, шестой стих имеет ту же двухфразовую структуру: неопределение и определение:

*Egeneto anthrōpos (apostalmenos para theoy)
onoma autōi Iōannēs*

Был человек (посланный от Бога) имя ему Иоанн.

В следующем трехфразовом стихе (Ин. 1, 7):

hoytos êlthen eis martyrïan,
hina martyrêsêi peri toy phôtos,
hina pantes pisteÿsôsïn di' aytoy.

Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез Него,— две последние фразы являются определением к слову *свидетельство* — *свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез Него*.

В следующем, восьмом, две фразы:

oÿk ên ekeinos to phôs,
all'hina martyrêsêi peri toy phôtos.

Не бе той Свет, но да свидетельствует о Свете.

Первая — явное отрицательное определение — *не бе той Свет*, а во второй дается объяснение этому определению посредством повтора-цитаты второй фразы предыдущего стиха — *да свидетельствует о Свете*.

В девятом стихе:

En to phôs to alêthïnon,
ho phôtidzei panta anthrôpon erchomenon eis ton kosmon

Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека... Свет истинный является, несомненно, определением Слова, поскольку и Слово и Свет определяются эквивалентными фразами: *все чрез Него начало быть* (Ин. 1, 3) и *мир чрез Него начал быть* (Ин. 1, 10).

Три фразы десятого стиха:

en tõi kosmõi ên,
kai ho kosmos di'aytoy egeneto,
kai ho kosmos ayton oÿk egnô

В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал—как бы формально напоминают о структуре первого стиха Пролога и, раскрывая отношение Предвечного Слова к миру, звучат как определения — *приговор миру: мир—это то, где Он был; мир—это то, что создано Им; мир—это тот, который Его не познал*.

В одиннадцатом стихе — две короткие фразы с повторяющимися словами:

eis ta idia êlthen,
kai hoï idioi ayton ou parelabon

Во своя прииде, и свои Его не прияша. В первой фразе опущено подлежащее Свет. На него указывает глагольная форма *прииде* и местоимение-заместитель *Его* второй фразы. То, что было грамматическим подлежащим в первой фразе, стало дополнением во второй. И наоборот, дополнение первой фразы *во своя* стало подлежащим второй фразы *свои Его не прияша*. Эта структурная перестановка, при которой одни и те же элементы меняются местами при следующих один за другим предикатах, является типичной характеристикой иоанновского текста.

Проследим это явление с начала Пролога. В первом и втором стихах повторяющиеся элементы *Слово* и *Бог* занимают постоянные места, даже и у функционально разных предикатов ên/ên prôs — в повествовательной структуре и в определении.

В третьем стихе места при следующих друг за другом предикатах стабильно занимают одни и те же элементы. Сходство предикатов и элементов, заполняющих их места, позволяет говорить о функциональной эквивалентности данных фраз.

В четвертом стихе слово *жизнь* занимает в первой фразе второе место, во второй — первое место. Эта перемена мест, а также устанавливаемая в дальнейшем эквивалентность *Слово* — *Свет*, для сочетаний в Нем, *свет человеков*, занимающих другие места предиката ên (*была, бе*) этих фраз, позволяет считать первую фразу почти определением: *Слово* — *Жизнь*.

В пятом стихе, как и в одиннадцатом, одни и те же элементы меняются местами при разных предикатах: *свет во тьме светит, и тьма не объала его (свет)*.

В двух фразах шестого стиха при повторяющихся элементах (*человек, ему*) сохраняется почти та же «глубинная» синтаксическая структура, что и в стихе четвертом: *была жизнь — жизнь-свет; был человек — человек-Иоанн**. Фраза *имя ему Иоанн* является определением введенного в предыдущей фразе слова *человек*.

В фразах седьмого стиха сей и ему (*Иоанн*) — занимают разные места предикатов.

В восьмом стихе то же самое имя *Иоанн* — на первом месте предиката: *Он не был свет*.

* «Глубинная» структура — наиболее простая из перефразированных структур, сохраняющих то же содержание. Отличие здесь в том, что в шестом стихе — односторонний предикат: *быть человек*, а в четвертом — двухместный: *в Том живот бе*.

В девятом стихе — одноместный предикат со словом *Свет*, которое во фразе следующего десятого стиха будет занимать последовательно первое и второе места.

Десятый стих представляет собой сиктаксическую структуру с повторяющимися элементами, меняющими места. Чтобы более отчетливо представить особенности данной конструкции, мы указываем в скобках опущенные или замещенные местоимениями слова и ставим предикаты в центр:

(Свет) был в мире
мир начал быть чрез Него (Свет)
мир не познал Его (Свет)

То есть здесь та же перемена мест, что и отмеченная выше в следующих, одиннадцатом и двенадцатом стихах:

Елицы прияха Его
(Той) даде им

Подобные примеры в Евангелии от Иоанна многочисленны. Укажем только на некоторые из них*:

(Слово) вселися в ны
(мы) видехом славу Его (Слова) (Ин. 1, 14);
Иоанн свидетельствует о Нем:
Сей бе

рех Его же (Ин. 1, 15);
Той есть грядый по мне
Иже бысть предо мною
Аз несмь достоин да отрешу ремень сапогу Его (Ин. 1, 27);
Иоанн виде Иисуса
Се (есть) Агнец Божий (Ин. 1, 29);
Сей есть

Аз рех о Нем
Муж грядет по мне
Иже бысть предо мною
(Той) первее бе мене (Ин. 1, 30);
аз не ведех Его
(Той) явится Израилеви
аз приидох сего ради (Ин. 1, 31);
(Иоанн) видех Духа
(Дух) пребысть на Нем (Ин. 1, 32);
аз не ведех Его

Той есть крестяй (Ин. 1, 33);
(Иоанн) узрев Иисуса
Се (есть) Агнец Божий (Ин. 1, 36);
свет прииде в мир
человецы возлюбиха паче тьму, неже свет (Ин. 3, 19);
Иже бе с тобою

ты свидетельствовал еси Ему же
Сей крещает
 вси грядут к Нему (Ин. 3, 26);
человек не может приимати ничесоже
не будет дано ему (Ин. 3, 27);
(Той) свидетельствует
никтоже приемлет свидетельства Его (Ин. 3, 32);
поклонницы поклонятся Отцу
Отец ищет таковых (Ин. 4, 23);
Дух есть Бог
иже кланяется Ему (Ин. 4, 24);
вы не трудистесь
инии трудитесь
вы внидосте в труд их (Ин. 4, 38).

Текст, следующий за Прологом, является его структурным отражением. Заданные в Прологе чередования высказываний-определений с неопределенными далее встречаются в тексте неоднократно.

* Для наглядности мы расставляем имена по обеим сторонам от предикатов и в скобках восстанавливаем опущенные элементы.

Прежде всего отметим, что почти каждая глава Четвертого Евангелия располагает набором явных определений.

Укажем некоторые из них.

В первой главе: *Бог бе Слово* (1, 1); *живот бе свет человеком* (1, 4); *бысть человек послан от Бога, имя ему Иоанн* (1, 6); *не бе той свет* (1, 8); *несьм аз Христос* (1, 20); *Или ли еси ты; и глагола: несъм. Пророк ли еси. И отвеща: ни* (1, 21); *аз глас вопиющего в пустыни* (1, 23); *посланници беху от фарисей* (1, 24); *ты неси Христос, ни Ила, ни пророк* (1, 25); *се, Агнец Божий, вземляй грехи мира* (1, 29); *Сей есть, о Немже аз рех: по мне грядет муж, Иже предо мною бысть* (1, 30); *над Него же узриши Духа сходяща и пребывающа на Нем, Той есть крестяй Духом Святым* (1, 33); *Сей есть Сын Божий* (1, 34); *Се, Агнец Божий* (1, 36); *Равви, еже глаголетси сказано учителю* (1, 38); *Мессию, еже есть сказано Христос* (1, 41); *ты еси Симон, сын Ионин: ты наречешися Кифа, еже сказается Петр* (1, 42); *се, воистинну Израильтянин* (1, 47); *Равви, Ты еси Сын Божий, Ты еси Царь Израилев* (1, 49) и др.

И далее в др. главах см.: 3, 2, 6, 10, 28, 31; 4, 9, 19, 24, 25, 26, 34, 42; 5, 18, 27, 35; 6, 14, 29, 33, 35, 39, 40, 41, 42, 48, 51, 55, 58, 63, 69, 70, 71; 7, 16, 26, 40, 41; 8, 12, 23, 25; 33, 34, 37, 44; 47, 48, 54; 9, 5; 10, 7, 9, 11, 14, 30, 36; 11, 25, 27; 12, 46, 50; 13, 13; 14, 6; 15, 1, 5, 12, 14; 17, 3, 7, 17; 18, 36, 37; 20, 31 и т. д.

Разновидностью определений в тексте являются замены, переназвания, обращения. О подобном понимании замещений в тексте свидетельствуют примеры, в которых то, что сначала замещается, затем дается в форме явных определений. Ср., например, *свет* в стихах Пролога и в определениях *Аз емь свет миру* (8, 12) и *Егда в мире емь, свет емь миру* (9, 5).

В 12, 35: *Рече же им Иисус: еще мало время свет в вас есть: ходите, дондеже свет имате...* и 12, 36: *Пока свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света слово емь употребляется как в Прологе, а в 12, 46 переводится в явное определение, как до этого в 8, 12 и 9, 5: *Аз свет в мир приидох.**

То, что обращение понимается как явное определение, мы видим в 13, 13: *Вы глашаете Мя Учителя и Господа: и добре глаголете: емь бо.*

В Прологе даны основные определения: *Слово — Бог, Свет, Свет истинный, Единородный от Отца, Иисус Христос, Единородный Сын*; и представлены те (в *Том живот бе; истина Иисус Христом бысть*), которые будут даны в дальнейшем тексте в 14, 6 — *Аз емь... и истина и живот.*

Текст разворачивается из Пролога и как бы снова может быть свернут и заключен в нем.

Взаимосвязанность всех частей текста осуществляется многочисленными повторами слов и фраз, чередованием обычных высказываний и высказываний-определений, переходящих друг в друга, тождественными синтаксическими конструкциями, перестановкой имен при предикатах. Благодаря столь мощной системе взаимосвязей элементов текста, повествовательные фразы и фрагменты текста-описания отдельных явлений и событий, таких, как брак в Кане Галилейской, беседа с самарянкой, исцеление расслабленного и слепорожденного и другие,— оказываются тесно связанными с фрагментами богословского содержания, являются материалом для догматических заключений. Таким образом, слова и деяния явившегося Мессии в Четвертом Евангелии представлены как единый сплав.

Явное указание в евангельском тексте на параллелизм слов и дел Спасителя наилучшим образом соответствует концепции функционального тождества высказываний-определений и высказываний о действительности.

10, 25: *Я сказал вам, и не верите; дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне.*

10, 32: *Много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?*

10, 37—38: *Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне (то есть словам Моим), верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем.*

12, 37: *Сколько чудес сотворил Он пред вами, и они не веровали в Него.*

12, 47—49: *И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо Я говорил не от Себя, но пославший Меня Отец. Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить.*

14, 11: *Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самим делам.*

15, 7: *Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут; то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам.*

15, 22: *Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха...*

15, 24: *Если бы Я не творил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха...*

Слова и дела Спасителя находятся во взаимном соответствии. Об этом свидетельствует и синонимичное параллельное употребление выражений *слово* (*говорить*) и *дело* (*делать, творить*) в следующих стихах:

8, 28: *И что ничего не делаю от Себя; но, как научил Меня Отец Мой, так и говорю.*

8, 38: *Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего.*

14, 10: *Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя, Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела.*

Отметим и многочисленные примеры параллельных конструкций со словом *имя* и без него, свидетельствующие о полной равнозначности данных выражений. Особенно в 3, 18, где синонимичность подобных выражений представлена явным образом.

1, 12: *верующим во имя Его;*

2, 11: *и уверовали в Него;*

2, 23: *уверовали во имя Его;*

3, 15: *всякий верующий в Него;*

3, 18: *Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия;*

3, 36: *верующий в Сына;*

4, 39: *уверовали в Него*.*

Этими примерами подтверждается положение о тождестве высказываний о языке и высказываний о действительности; говорить об имени объекта или о самом объекте, в данном случае — истинного соответствия имени обозначаемому, — это одно и то же: *прежде всего, Я то, что и говорю вам* (8, 25).

Наконец, это единство слов и дел утверждается как истина: истинные слова и дела находятся в истинном соответствии друг с другом. Об этом свидетельствует вошедшее в ткань текста и уже отмеченное употребление слова *истина* и однокоренных с ним: и греческое и славянское — *аминь, аминь*, которыми начинаются 25 высказываний текста и которое передано в русском переводе эквивалентным *истинно, истинно***.

Дух дышит, где хочет (Ин. 3, 8), и человеческий язык — лишь инструмент в Домостроительстве Божиим. Текст, в котором сказано: *Никогда человек не говорил так, как этот Человек* (Ин. 7, 46) — обладает своей собственной, незамаскированной логикой и системой представления содержания, своей классификацией различных типов высказываний. Гармоничное сочетание богословско-догматического, дидактического и исторического содержания Четвертого Евангелия основано на единстве двух процессов обозначения *ges* и *potipa*, мыслимых изолированными в античной и позднейшей науке. И, наконец, отмечая значение, которое уделяется словам языка человека в Четвертом Евангелии, следует напомнить о том, что первое, что делает явившийся Мессия, по Евангелию от Иоанна, — это дает новое имя Симону, сыну Ионину.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Глубоковский Н. Н.* Евангелия и их благовестие о Христе-Спасителе и Его искупительном деле. София, 1932, с. 127.

² *Муретов М. Д.* Четвероевангелие. Сравнительные особенности канонических Евангелий по их содержанию, главным мыслям и изложению. Сергиев Посад, 1915, с. 28—29.

³ *Баженев И.* Характеристика Четвертого Евангелия со стороны содержания и языка. Казань, 1907, с. 40—41.

* И далее, в 6, 40; 8, 30; 9, 35; 9, 36; 10, 42; 11, 45; 12, 11 и др.

** См. 1, 51; 3, 5, 11; 5, 19, 24, 25; 6, 26, 32, 47, 53; 8, 34, 51, 58; 10, 1, 7; 12, 24; 13, 16, 20, 21, 38; 14, 12; 16, 20, 23; 21, 18.

⁴ *Питирим, архиепископ.* Пастырская дидактика святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.— ЖМП, 1984, № 3, с. 70—75.

⁵ Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Беседа 16. На слова: В начале бе Слово (Ин. 1, 1). Сергиев Посад, ч. 4, 1892, с. 252.

⁶ *Тарский А.* Введение в логику и методологию дедуктивных наук, М., 1948, с. 62.

⁷ В толковании архимандрита Михаила Лузина о второй половине стиха: «повторение, разъяснение и усиление предыдущего выражения о творческой деятельности Слова». *Михаил, архимандрит.* Евангелие от Иоанна. М., 1874, с. 15.
